

УДК 821.161.1
ББК
83.3(2Рос=Рус)52

ПОЭМА М.М. ХЕРАСКОВА «ВЛАДИМИР»: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

© 2019 г. А.В. Семенова

Казахстанский филиал Московского государственного университета

им. М.В. Ломоносова, Республика Казахстан

Дата поступления статьи: 29 марта 2019 г.

Дата публикации: 25 сентября 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-172-187

Аннотация: В статье ставится вопрос об исторических источниках поэмы М.М. Хераскова «Владимир» (1785, 3-я ред. 1797), связь с которыми прослеживается в ней порою довольно отчетливо. В качестве примера рассматриваются 1) образ философа Кира, ключевого персонажа в поэме, главного наставника князя Владимира; 2) описание изображений Страшного суда и рая и ада на подаренной Киrom Владимиру «хартии» (завесе); 3) поединок Всеволода, сына Владимира, с печенегом. Последний эпизод принадлежит к дополнительной сюжетной линии, появившейся только в 3-й редакции поэмы. В качестве источников поэмы рассматриваются «Повесть временных лет», «Русская летопись по Никонову списку» (1767), «Киевский синопсис» (1674), «Ядро российской истории» (1770), исторические труды В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова и Екатерины II. Отмечаются соответствия поэмы с данными источниками, в том числе текстуальные. В результате делается вывод, что во «Владимире», как и ранее в «Россияде», поэт по возможности согласовывает свое повествование с источниками, постоянно что-то из них заимствует. Эта тенденция прослеживается как в наиболее ответственных в идейном отношении моментах поэмы (образ главного проповедника, имеющий также масонские коннотации), так и в авантюрных и батальных эпизодах (приключения Всеволода), рассчитанных, по словам автора, прежде всего на «юношество».

Ключевые слова: Херасков, «Владимир», исторические источники, летописи, историография XVIII в.

Информация об авторе: Анастасия Владимировна Семенова — преподаватель, Казахстанский филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; ул. Кажимукана, д. 11 (Мунайтпасова, 7), 010010 г. Астана (Нурсултан), Республика Казахстан.

E-mail: anastasia_semenova@list.ru

Для цитирования: Семенова А.В. Поэма М.М. Хераскова «Владимир»: К вопросу об исторических источниках // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 3. С. 172–187.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-172-187

A POEM BY VLADIMIR MIKHAIL
KHERASKOV: HISTORICAL SOURCES

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2019. A.V. Semenova

*Kazakhstan branch of
Lomonosov Moscow State University,
Astana, Republic of Kazakhstan*

Received: March 29, 2019

Date of publication: September 25, 2019

Abstract: The article examines historical sources of the poem *Vladimir* by Mikhail Kheraskov (1785, 3d ed. 1797). It focuses on the following aspects: 1) the image of philosopher Cyrus, a key character in the poem, the main mentor of Prince Vladimir; 2) description of the images of the Last Judgment, heaven and hell on the “Charter” (veil) presented by Cyrus to Vladimir; 3) Vladimir’s son Vsevolod’s duel with Pecheneg. The last episode is an additional storyline that appeared only in the third edition. The sources of the poem include *The Tale of Bygone Years*, *The Russian Chronicle according to the Nikon Lis* (1767), *The Kiev Synopsis* (1674), *The Core of Russian History* (1770), and historical works of V. Tatishchev, M. Lomonosov, M. Shcherbatov, and Catherine II. The article draws parallels between the poem and these sources, including textual parallels. In conclusion, it is argued that in “Vladimir,” as earlier in “Rossiyada”, the poet whenever possible relates his narrative to historical evidence, constantly borrows from different sources. This concerns important ideological aspects of the poem (for example, the image of the main preacher, which also has Masonic connotations) as well as adventurous battlefield episodes (i.e. Vsevolod’s adventures), introduced, according to the author’s design, primarily to entertain young readers.

Keywords: Kheraskov, *Vladimir*, historical sources, chronicles, historiography of the 18th century.

Information about the author: Anastasia V. Semenova, adjunct lecturer at the Department of Philology, Kazakhstan branch of the Lomonosov Moscow State University, Kazhimukan St. 11, 010010 Astana, Republic of Kazakhstan.

E-mail: anastasia_semenova@list.ru

For citation: Semenova A.V. A Poem by *Vladimir* Mikhail Kheraskov: Historical Sources.

Studia Litterarum, 2019, vol. 4, no 3, pp. 172–187. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-172-187

«Владимир», вторая (после «Россияды», 1779) эпическая поэма М.М. Хераскова, отличается подчеркнутой религиозно-дидактической направленностью; автор в предисловии советовал читать ее «не как обыкновенное Эпическое творение», а «как странствование внимательного человека путем истины...» [18, с. VIII]¹. В посвященных этой поэме исследованиях (немногочисленных) тоже, как правило, отмечается наличие в ней второго плана, символического (см.: [14, с. 181–182; 3; 11; 9]). Вопрос об исторических источниках «Владимира» специально не ставился, хоть и затрагивался в отдельных работах². Поэма действительно во многом строится на аллегориях и вымыслах, но вообще, как и «Россияда», повествует об историческом прошлом России, в данном случае — о принятии христианства князем Владимиром и связанных с этим событиях. Исторические сведения о них куда менее подробны, чем о покорении Казани Иваном Грозным, поэтому во «Владимире» Херасков чаще, чем в «Россияде», пользуется правами поэтического вымысла, но также опирается и на определенные исторические источники, связь с которыми прослеживается порою довольно отчетливо. Это можно показать на нескольких примерах.

Философ Кир

Одним из ключевых персонажей поэмы является философ Кир, проповедник, пришедший в Киев из Византии с целью убедить Владимира об-

1 Здесь и далее «Владимир» цитируется по 3-й редакции (1797), наиболее полной (XVIII песней); в первом издании (М., 1785) поэма называлась «Владимир Возрожденный» и состояла из XV песней.

2 В качестве источника «Владимира» указывалась «Повесть временных лет» (см.: [20, с. 104; 16, с. 136; 21, с. 100]), упоминался также «Киевский синопсис» [2].

ратиться в христианство. В дискуссии о вере, разворачивающейся во «Владимире», Кир выступает в роли главного оппонента язычников, магометан и католиков, опровергает их доводы, являет собой пример мудрости и добродетели. Впервые он упомянут в VI песни поэмы:

Сей пастырь верных душ и древний философ,
Являлся Киевских на крутизне берегов;
Он преплыл черную пучину Меотийску,
Оставя древний Тавр, достиг в страну Российску.
Под осенением всеведущих Небес,
Евангелия свет в страну полночну нес.

[18, с. 92]

Встреча Кира с Владимиром происходит в VIII песни, после выступлений проповедников ложных религий и беседы князя с Идоломом (другим наставником, склонявшим его к принятию истинной веры). Именно Кир излагает Владимиру основы христианского вероучения, составляющие базовую часть христианской проповеди, протянувшейся через всю поэму³. При этом он сразу акцентирует несколько моментов, принципиально важных для внутреннего преобразования Владимира: убеждает его в ущербности иных вер (уделяя особое внимание природе человека и Божественной премудрости, которой проникнуто все в мире), указывает на главные пороки и заблуждения князя (женолюбие, умствование, сомнение, гордыню, плотугодие), а также апеллирует к его монаршей ответственности, поскольку выбор, который ему предстоит сделать, откроет путь к спасению целого народа либо обречет его на гибель (см.: [18, с. 128 и след.]). В поэме Кир выполняет функции главного духовного наставника Владимира, а отчасти и в роли пророка и чудотворца (пророчествует о будущем, воскрешает убитых язычниками, после чего крестит их, и т. п.). Именно Кир направляет Владимира на верный путь в наиболее критические моменты: благословляет его на поход в Херсон, где князю суждено символически умереть и воскреснуть; в самом Херсоне (в заключительной XVIII песни) удерживает его от роковой ошибки, когда тот почти оставляет намерение креститься (подавшись

³ Внутренним особенностям и формам христианской проповеди в поэме посвящена отдельная наша работа [13].

убеждениям, что греческая царица Анна и без того в его власти), и, наконец, крестит князя и совершает таинство брака. С помощью Кира Владимир выдерживает борьбу с самим собой (и принявшими чужой облик искусителями) и благополучно проходит последнее испытание.

Как видно, Кир является одним из главных персонажей эпопеи, и у него есть исторический прототип. В «Повести временных лет» (в том числе в версии, представленной в первом томе «Русской летописи в частности Никонову списку», 1767) содержится рассказ о греческом философе, проповедовавшем христианство Владимиру, но имя его не названо (см.: [10, с. 40–48; 12, с. 69–83]). А. Дрождек предположил, что Херасков, обрабатывая летописный рассказ, домыслил имя философа и ввел аллюзию на святого Кирилла Философа, создателя славянской письменности⁴ (давно почившего ко времени крещения Руси). Однако имя Кир не домыслено Херасковым: как раз такое имя носит проповедовавший перед князем Владимиром греческий философ в «Истории Российской» В.Н. Татищева (которой, кстати, поэт пользовался и при создании «Россияды»): «По времени некоем прислали Греки ко Владимиру Философа Кира...» [15, с. 65]. Тем же именем назвала его и Екатерина II в своих «Записках касательно российской истории»: «По некотором времени прислал Царь Греческий ко Владимиру философа Кира, которой говорил Владимиру о Грекокафолическом законе. Владимир, быв тронут учением, одарив, отпустил его с честью» [4, с. 157]. В других исторических трудах XVIII в. он назван иначе: М.В. Ломоносов называет его Константином [6, с. 109], М.М. Щербатов и А.И. Манкиев (автор «Ядра российской истории», 1770) — Кириллом [19, с. 254; 8, с. 54], но тоже не отождествляют его с равноапостольным просветителем славян. В таком смысле можно было понять лишь рассказ из «Киевского синопсиса» (1674), многократно переиздававшегося в XVIII в., где говорится о «святом Кирилле Философе» [5, с. 62]. В принципе имя Кир может быть сокращением имени Кирилл, но автор «Владимира», как и современные ему историки, не смешивает его со святым Кириллом, братом Мефодия. Он лишь выбирает одну из существовавших версий имени посланного к киевскому князю философа (Константин, Кирилл, Кир), причем выбирает именно ту версию,

4 См.: [21, с. 100]. Сходная мысль ранее высказывалась Л.Л. Федотовой, которая упоминает одновременно святого Кира и святого Кирилла как наставников Владимира [16, с. 25–26].

которой придерживалась императрица Екатерина II, следовавшая в данном случае, как и он, за Татищевым.

По «Повести временных лет», философ-грек приходит в Киев после всех других проповедников, чьи учения Владимир по разным причинам отверг, преподает ему Священную историю от сотворения мира до Воскресения Христова и учение о будущем суде и посмертном воздаянии, после чего князь отпускает его с «честью великою» и более уже не встречает [10, с. 40–48; 12, с. 69–83]. В поэме Хераскова его функции значительно расширены, в частности Киру передана роль корсунского епископа, крестившего Владимира, научившего его Символу веры и повенчавшего с царевною Анной [10, с. 51–52] (в «Русской летописи по Никонову списку» речь епископа набрана уменьшенным кеглем и озаглавлена: «Поучение» [12, с. 88–91]). Две проповеди (в Киеве и Херсоне), произносимые, по летописям, разными лицами, в поэме вложены в уста одного Кира, благодаря чему акцентируется роль постоянного духовного руководителя, необходимого каждому странствующему «путем истины». Первый наставник Владимира — Идолом — только подготовил его к встрече с тем, кто довел его до конечной цели. Масонские коннотации образа Кира, в полной мере, в отличие от Идолама, посвященного в таинства преподаваемого учения, достаточно очевидны (подобный персонаж-наставник — старец Вассиан — есть уже в «Россияде»), не случайно его первая беседа с Владимиром происходит не в княжеском доме, а в уединенной обители Идолама за пределами Киева (чему, конечно, нет соответствия в источниках). Кроме того, читатели поэмы знакомятся с Киrom раньше князя, когда философ по дороге в Киев попадает в сети Зломира, но спасается молитвой и покаянием, подавая первый пример борьбы с искушениями, а расстаются с ним в последней песни, где ему предоставлено заключительное слово (перед несколькими финальными стихами от автора).

Ряд приключений и действий Кира является плодом поэтического вымысла, обусловленного религиозно-дидактическими целями автора, однако везде, где возможно, Херасков придерживается известных ему источников и не меняет существенно ход событий. Имя философа и, главное, его проповеди в поэме (не только киевская, но херсонская, произносимая, как и в летописях, сразу после венчания Владимира с Анной) находят в них соответствия. По содержанию эти проповеди, конечно, не идентичны имею-

щимся в летописи (или, например, в кратких пересказах у Татищева и Ломоносова), но в порядке изложения Херасков, кажется, старается следовать за источниками, и не только в целом, но и в некоторых существенных деталях.

Экфрасис Страшного суда

Кульминацией проповеди Кира в VIII песни поэмы становится описание изображенных на подаренной князю «хартии» Страшного суда и посмертной участи праведников и грешников. Сама эта картина не вымысел автора. Все названные выше источники Хераскова содержат упоминание о завесе, или запоне, преподнесенной Владимиру греческим философом. Свидетельство «Повести временных лет» лаконично: «И се рекъ, показа Володимеру запону, на ней же бе написано судище Господне, показываше ему о десную праведныя в весельи предъидуща въ рай, а о шуюю грешники идуща в муку. Володимеръ же вздохнувь, рече “Добро симъ о десную, горе же симъ о шуюю”» [10, с. 48] (ср.: [12, с. 83]). То же находим в исторических сочинениях XVIII в., часто со ссылкой на Нестора (см.: [15, с. 67; 6, с. 113; 19, с. 225; 8, с. 54–55]). Чуть более пространно об этом говорится в «Киевском синопсисе»: «...о муце грешным и о царствии бесконечном, праведным уготованном, вдаде ему в дар запону велику златотканну, от тех же Кесарей Греческих и от Патриарха присланну, на нейже бе хитростне изображен страшный суд Божий; на нюже Владимир смотря прилежно, проси Философа, да ему истолкует о сих, иже стоят одесную и иже стоят ошуюю; и поведи ему Философ, яко одесную станут, иже веруют в Господа нашего Иисуса Христа, единого истинного Бога, и крещаются во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и творят дела добра; сии по смерти временной вечный живот и Царствие небесное наследят; ошуюю же станут, иже не веруют в единого истинного Бога и не крещаются, беззаконно же живут и дела злая по своим похотех творят; тыи в вечный огнь геенский на бесконечное мучение, идеже червь не усыпает и скрежет зубный, пойдут. Сия услышав Владимир вздохну и рече: благословении сии, иже станут одесную; горе же тем, иже будут ошуюю» [5, с. 60–61].

Херасков отсюда берет саму «запону» и заданное на ней контрастное сопоставление воздаяния праведным и грешным, а далее, уже «от себя», развертывает картины рая и ада, умножая их красочными подробностями (отчасти, вероятно, ориентируясь, на иконографический канон изображения Страшного суда):

Врученну хартию пред Князем он открыл;
Владимир взор в нее внимательно впери:
Небесной кистию на ней изображенно,
Что людям в будущем суде предположенно;
Котора после бурь нам красны дни сулит,
Во свете зрится там дуги небесной вид;
На нем изображен как солнце Муж сеящий,
В одной руке весы, другою пальм держащий;
Бесплотны Ангели летают вкруг Него,
Трепещут и они перед лицом Его;
Пресветлый зрится град, отверстый одесную,
И бездна, пламенем горящая ошуюю.
Владимир возопил: коль дивны виды тут!..
Кир Князю отвечал: се Божий страшный суд!

[18, с. 130–131]

И ниже противоположная картина:

Князь пламень чувствует, вкушает горький дым;
Ему глубокая в тумане бездна зрима,
Обширностью своей она неизмерима;
Кругом великого пространства изваян
Зияет пламенем горящий окиян;
Из мрака вечного сложились тамо своды,
Злодеев навсегда лишаящи свободы;
Там некий тусклый свет простерся по земли,
Подобный зареву, светящему вдали;
Но темный оный свет не взоры обольщает,
Лишь только ужасы геенски освещает.

[18, с. 134]

Далее описываются уготованные грешникам муки, но уже с характерными для классической эпопеи олицетворениями:

Там Скука царствует, склонив чело в колени;
 Повсюду странствуют тоскующие Тени,
 И грешным их грехов показывают яд,
 Грызенье совести лютейший самый ад!
 Там дышущая Грусть, одушевленны Страхи,
 Там грешники в огне вращаются как прахи;
 Со пламенным бичом ужасна Мечь видна,
 Змиями страшными увита вокруг она,
 Отравы полные на грешных взоры мечет,
 Весь воздух стонет вокруг, земля от ней трепещет..

[18, с. 135]

В «Россиаде» тоже находятся картины ада и рая, но в разных песнях поэмы (соответственно в IV и VIII). Как отметил А.И. Любжин, Херасков, отступая от восходящей еще к Вергилию традиции, развел эти картины, «чтобы таким образом сильнее подчеркнуть основной контраст эпопеи: ад связан с обращенностью в прошлое, с гордыней и насилиями, приведшими к гибели Казанскую державу, а рай — с устремленностью в будущее, с христианскими добродетелями, которые обеспечат победу России и в дальнейшем послужат основой ее величия» [7, с. 92]. Во «Владимире» картины рая и ада соположены и противопоставлены, как и на упомянутой в летописи «запоне», однако и здесь подразумевается будущее и прошлое: райское блаженство уготовано Владимиру и его народу, призываемым к истинной вере (и, как известно читателю, откликнувшимся на призыв); адские муки были их же участью в прошлом, во мраке язычества, с которым скоро будет покончено (что и происходит в конце поэмы). Таким образом, в своем экфрасисе Страшного суда Херасков ориентируется одновременно на классические образцы эпопеи и древнерусскую литературную традицию, превращая зафиксированный в хрониках факт в функциональный элемент поэмы.

Поединок Всеволода с печенегом

В третьем издании «Владимира» (1797) появился вставной эпизод, занимающий две песни (XII и XIII), целиком посвященные князю Всеволоду, сыну Владимира. Это главное отличие последней редакции поэмы от двух предшествовавших. Предисловие автора с советом читать ее как про-

изведение нравоучительное тоже появилось только в этом третьем издании, и адресовано оно «наипаче юношеству» [18, с. VIII]. Дополнительная сюжетная линия с приключениями Всеволода, отличающимися некоторой занимательностью, видимо, была введена поэтом с расчетом на ту же аудиторию. Рассказ о приключениях юного сына Владимира должен развлечь читателей, в то же время представляя собой пример характерного для Хераскова нравоучения: поиски Всеволодом «добродетели» (перекликающиеся с нравственными мытарствами Владимира), его внутреннее очищение, возмужание и обретение им силы духа должны послужить уроком и примером для «юношества».

Среди приключений Всеволода выделяется яркий героический эпизод — его поединок с печенежским богатырем, решающий исход битвы войск Владимира с печенегами, происходящей на реке Ворскле под Полтавой.

Так вняв свирепому Раздору Печенеги,
Толпами двинулись, пустились в набеги,
И бурей страшною к Полтаве потекли,
Россиян брали в плен, рубили, гнали, жгли;
С мечем и с пламенем ворваться в Киев чают:
У Ворсклы наконец Владимира встречают.

[18, с. 241]

Это вымышленное сражение должно напомнить о подлинном историческом событии, только случившемся гораздо позднее, — о битве на Ворскле в 1399 г., где русским и литовским князьям противостояли войска Золотой Орды (а также о Полтавской битве 1709 г., в чем состоит единственный смысл упоминания здесь Полтавы, не существовавшей во времена князя Владимира). Устанавливаемая поэтом ассоциация тем более прозрачна, что он тут же (как и далее) называет печенегов «ордой», «ордынцами» [18, с. 242, 243 и след.].

Князь Саган, предводитель печенегов («Их гордый Князь Саган с ним ратовать выходит» [18, с. 242]), после первой схватки с Владимиром предлагает побережь людей и определить победителя посредством поединка сильнейших воинов. Владимир готов биться сам, вызывается также Добрыня, но в последний момент в их стане появляется таинственный юноша,

который и выходит против печенежского богатыря, чернокожего эфиопа Талмата, и побеждает его. После этого выясняется, что сей храбрый юноша не кто иной, как Всеволод, вернувшийся из долины Суесвятства.

Весь этот эпизод представляется авторским вымыслом, однако в целом ряде деталей Херасков и здесь воспользовался историческими источниками, контаминируя, видоизменяя и домысливая заимствованное из них.

Так, князь Саган в поэме — преемник печенежского князя, убившего Святослава, отца Владимира («От ваших рук погиб бесстрашный Святослав» [18, с. 241]). Названное в большинстве известных Хераскову источников имя убийцы (Куря) [10, с. 35; 12, с. 60; 15, с. 54; 19, с. 237; 6, с. 92], он не называет, а для своего героя в качестве имени использует титул (Саган — каган), при этом, может быть, следуя как раз примеру летописей, где под 6473 (965) г. упоминается хазарский «князь Каган», потерпевший поражение от Святослава под Белой Вежей [10, с. 31; 12, с. 48].

В поэме битва с печенегами происходит по дороге в Херсон, на подступах к «Тавру» (Крым), что имеет в ней определенный смысл: силы зла препятствуют Владимиру прийти туда, где ему предстоит креститься. В «Повести временных лет» о столкновении с печенегами, закончившемся поединком безымянного юноши с могучим «печенежином», рассказывается под 6500 (992) годом [10, с. 54–55; 12, с. 106–107], т. е. уже после крещения Владимира, и происходит это на реке Трубеж под Переяславлем. Херасков воспользовался летописным рассказом, поменяв место и время действия и поставив на место юноши-переяславца своего героя Всеволода, что в принципе может интерпретироваться как художественно оправданный анахронизм, намеренно допущенный автором. Что касается участия в битве Всеволода и места события (река Ворскла под Полтавой), этот анахронизм очевиден, но к мысли изменить его время (не после, а до крещения Владимира) поэт мог прийти под влиянием исторических источников. В «Киевском синопсисе» и «Ядре российской истории» рассказ о сражении (поединке) на реке Трубеж помещен непосредственно перед началом повествования о прибытии в Киев послов и выборе веры Владимиром (см.: [5, с. 56–58; 8, с. 51–53]). В поэме Хераскова хронология все равно иная (битва происходит до крещения Владимира, но после прения о верах), однако победа Всеволода в поединке представлена как одержанная с помощью Божией, как предзнаменование принятия князем истинной веры, а вместе с ней

и постоянного Божественного покровительства. Тот же смысл победе юнши-перяяслава придается в названных книгах, почему, видимо, данный эпизод в них и помещается перед рассказом о крещении Руси (в «Киевском синопсисе» этот поединок прямо сравнивается с единоборством Давида и Голиафа [5, с. 58]).

Подробности о поисках Владимиром достойного единоборца, испытании его физической силы с помощью разъяренного вола и ходе самого поединка, с небольшими различиями представленные во всех источниках, в поэме воспроизводятся практически без упущений, причем не раз возникают и текстуальные соответствия (так, например, не бык, а именно «вол», как у Хераскова [18, с. 251–252], упоминается в «Русской летописи по Никонову списку» [12, с. 107] и в том же «Киевском синопсисе» [5, с. 56]).

Приключения Всеволода в поэме преимущественно являются авторским вымыслом, тем показательней, что даже эта заведомо не претендующая на историческую достоверность сюжетная линия развивается автором с опорой на определенные источники, рассматриваемые им как исторические (вопрос о чисто литературных образцах и источниках «Владимира», тоже практически не изучавшийся, требует отдельного рассмотрения).

* * *

В поэме «Владимир» Херасков не игнорирует данные летописей и современных ему историков, а, напротив, по возможности согласуется с ними, старается следовать за своими источниками. По крайней мере постоянно что-то из них заимствует, руководствуясь своим пониманием задач и обязанностей автора эпической поэмы на национально-историческом материале, в целом сложившемся у него еще при создании «Россияды». В предисловии к ней он заявлял: «Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине, сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих...» [17, с. XIV]. Работая над «Владимиром», он, видимо, действовал сходным образом, стараясь учитывать все доступные ему материалы (показательно, что в третьем издании поэмы появилось примечание о «Слове о полку Игореве», оказавшееся первым печатным упоминанием об этом памятнике [1, с. 134–136]). Среди них пока можно с уверенностью назвать «Повесть временных лет» (прежде всего в редакции, изданной в «Русской летописи по Никонову списку»), «Киев-

ский синопсис», «Ядро российской истории», труды Татищева, Ломоносова, Щербатова, Екатерины II. Этот перечень, конечно, не исчерпывающий (можно, например, добавить «Скифскую историю» А.И. Лызлова, изданную в 1776 г.), но уже достаточно представительный, чтобы судить о значимости вопроса об исторических источниках для изучения «Владимира» (так же как «Россяды», в этом отношении уже относительно изученной). Тенденция согласовывать поэтический вымысел с историческими данными, как мы постарались показать выше, в поэме «Владимир» прослеживается как в наиболее важных для автора моментах, наиболее ответственных в идейном и религиозно-дидактическом плане (фигура главного проповедника, Страшный суд), так и во второстепенных в этом отношении авантюрных и батальных эпизодах (как приключения Всеволода).

Список литературы

- 1 *Берков П.Н.* Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 129–138.
- 2 *Волков А.В.* Летописный сюжет в художественной трактовке М.М. Хераскова (Поэма «Владимир») // Studia Slavica. Таллин, 2011. [Вып.] X. С. 11–22.
- 3 *Давыдов Г.А.* Религиозно-философские поэмы М.М. Хераскова: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 215 с.
- 4 *Екатерина II.* Записки касательно российской истории: [в 6 ч.]. СПб.: Имп. тип., 1801. Ч. 4. 424 с.
- 5 Киевский синопсис. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1836. 233 с.
- 6 *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история. СПб.: Имп. Акад. наук, 1766. 140 с.
- 7 *Любжин А.И.* Христианские источники «Россиады» М.М. Хераскова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2005. Вып. 4. С. 86–95.
- 8 <Манкиев А.И.> Ядро российской истории. М.: Имп. Моск. ун-т, 1770. 392 с.
- 9 *Орловска А.* Миф России в творчестве М. Хераскова (поэма «Владимир») // Slavica: Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae. Debrecen, 1997. Т. 18. P. 27–31.
- 10 Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
- 11 *Приказчикова Е.Е.* Нравственно-религиозная концепция человека в поэме М. Хераскова «Владимир Возрожденный» // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики): сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 49–71.
- 12 Русская летопись по Никонову списку. СПб.: Имп. Акад. наук, 1767. Ч. 1 / [под ред. А. Шлецера]. 198 с.
- 13 *Семенова А.В.* Христианская проповедь в поэме М.М. Хераскова «Владимир» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77, № 1. С. 42–47.
- 14 *Соколов А.Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 692 с.
- 15 *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен: [в 4 кн.]. М.: При Имп. Моск. ун-те, 1773. Кн. 2. 536 с.
- 16 *Федотова Л.Л.* Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 181 с.
- 17 *Херасков М.М.* Творения, вновь испр. и доп.: [в 12 ч.]. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. Ч. 1: Россиада, эпическая поэма. XX, 340 с.
- 18 *Херасков М.М.* Творения, вновь испр. и доп.: [в 12 ч.]. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. Ч. 2: Владимир, поэма эпическая. IX, 361 с.
- 19 *Шербатов М.М.* История Российская от древнейших времен: [в 7 т.]. СПб.: Имп. Акад. наук, 1770. Т. 1. 325 с.

- 20 Baehr S.L. *The Paradise Myth in Eighteenth Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 308 p.
- 21 Drozdek A. *Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems // Ricerche Slavistiche*. 2013. 11 (57). P. 89–113.

References

- 1 Berkov P.N. *Zametki k istorii izucheniia "Slova o polku Igoreve"* [Notes to the history of the study "The Song of Igor's campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1947, vol. 5, pp. 129–138. (In Russ.)
- 2 Volkov A.V. *Letopisnyi siuzhet v khudozhestvennoi traktovke M.M. Kheraskova (Poema "Vladimir")* [The plot of the chronicle in Kheraskov's interpretation (Poem *Vladimir*)]. *Studia Slavica*. Tallin, 2011, issue X, pp. 11–22. (In Russ.)
- 3 Davydov G.A. *Religiozno-filosofskie poemy M.M. Kheraskova: dis. ... kand. filol. nauk* [On religious and philosophical poems by M.M. Kheraskov: PhD thesis]. Moscow, 1999. 215 p. (In Russ.)
- 4 Ekaterina II. *Zapiski kasatel'no rossiiskoi istorii: [v 6 ch.]* [Notes on Russian history: in 6 parts]. St. Petersburg, Imp. tip. Publ., 1801. Part 4. 424 p. (In Russ.)
- 5 *Kievskii sinopsis* [Kiev synopsis]. Kiev, Tip. Kievno-Pecherskoi lavry Publ., 1836. 233 p. (In Russ.)
- 6 Lomonosov M.V. *Drevniaia Rossiiskaia istoriia* [The ancient history of Russia]. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk Publ., 1766. 140 p. (In Russ.)
- 7 Liubzhin A.I. *Khristianskie istochniki "Rossiady" M.M. Kheraskova* [Christian sources of Kheraskov's "Rossiada"]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr* [Evangelical text in the Russian Literature of the 18th – 20th centuries.]. Petrozavodsk, Petrozavodskii gos. un-t Publ., 2005, issue 4, pp. 86–95. (In Russ.)
- 8 <Mankiev A.I.> *Iadro rossiiskoi istorii* [The core of Russian history]. Moscow, Imp. Mosk. un-t Publ., 1770. 392 p. (In Russ.)
- 9 Orlovska A. *Mif Rossii v tvorchestve M. Kheraskova (poema "Vladimir")* [A myth of Russia in the work of Kheraskov (On the epic poem *Vladimir*)]. *Slavica: Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae*. Debrecen, 1997, vol. 18, pp. 27–31. (In Russ.)
- 10 *Povest' vremennykh let* [Tale of bygone years], text preparation, transl., article and comm. by D.S. Likhachev; ed. by V.P. Adrianova-Peretts. 2nd ed., cor. and add. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 667 p. (In Russ.)
- 11 Prikazchikova E.E. *Nravstvenno-religioznaia kontsepsiia cheloveka v poeme M. Kheraskova "Vladimir Vozrozhdennyi"* [On moral and religious conception of a person in Kheraskov's poem *Vladimir Regained*]. *Klassicheskaia slovesnost' i religioznyi*

- diskurs (problemy aksiologii i poetiki): sb. nauch. st.* [Classical literature and religious discourse]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2007, pp. 49–71. (In Russ.)
- 12 *Russkaia letopis' po Nikonovu spisku* [Russian chronicle according to Nikon's manuscript]. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk Publ., 1767. Part 1, ed. by A. Shletser. 198 p. (In Russ.)
- 13 Semenova A.V. Khristianskaia propoved' v poeme M.M. Kheraskova "Vladimir" [Christian sermon in the epic poem *Vladimir* by Mikhail M. Kheraskov]. *Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2018, vol. 77, no 1, pp. 42–47. (In Russ.)
- 14 Sokolov A.N. *Ocherki po istorii russkoi poemy XVIII i pervoi poloviny XIX veka* [Essays on the history of Russian poems, 18th – first half of the 19th centuries]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1955. 692 p. (In Russ.)
- 15 Tatishchev V.N. *Istoriia Rossiiskaia s samykh drevneishikh vremen: [v 4 kn.]* [A Russian history from the ancient times: in 4 books]. Moscow, Pri Imp. Mosk. un-te Publ., 1773. Book 2. 536 p. (In Russ.)
- 16 Fedotova L.L. *Russkaia natsional'naia ideia v geroicheskom epose M.M. Kheraskova: dis. ... kand. filol. nauk* [Russian national idea in Mikhail Kheraskov's heroic epic: PhD thesis]. Moscow, 2009. 181 p. (In Russ.)
- 17 Kheraskov M.M. *Tvoreniia, vnov' ispr. i dop.: [v 12 ch.]* [Works: in 12 parts]. Moscow, Univ. tip. u Khr. Ridigera i Khr. Klavdiia Publ., 1796. Part 1: Rossiada, epicheskaia poema [Rossiad, epic poem]. XX, 340 p. (In Russ.)
- 18 Kheraskov M.M. *Tvoreniia, vnov' ispr. i dop.: [v 12 ch.]* [Works: in 12 parts]. Moscow, Univ. tip. u Khr. Ridigera i Khr. Klavdiia Publ., 1797. Part 2: Vladimir, poema epicheskaia [Vladimir, epic poem]. IX, 361 p. (In Russ.)
- 19 Shcherbatov M.M. *Istoriia Rossiiskaia ot drevneishikh vremen: [v 7 t.]* [A Russian history from the ancient time: in 7 vols.]. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk Publ., 1770. Vol. 1. 325 p. (In Russ.)
- 20 Baehr S.L. *The Paradise Myth in Eighteenth Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*. Stanford University Press, 1991. 308 p. (In English)
- 21 Drozdek A. Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems. *Ricerche Slavistiche*, 2013, no 11 (57), pp. 89–113. (In English)